

LBAC

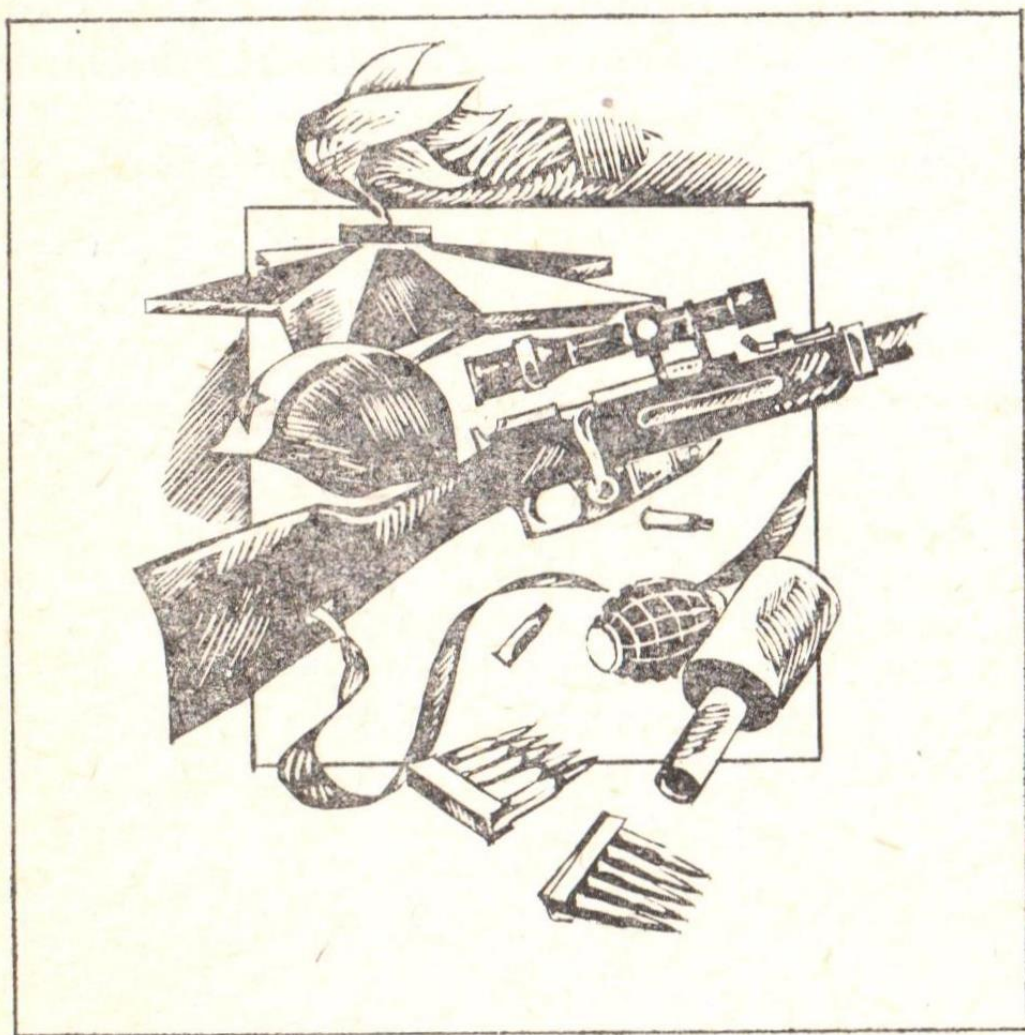
W645

Широкая дорога НАНИ

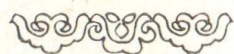
НАНИ В ГОДЫ ГРОЗОВЫЕ

Великая Отечественная война. На защиту Родины выступил весь советский народ. Из Нанайского района за время войны было призвано на фронт 4586 человек, в том числе

1783 нанайца. Храбрыми воинами стали многие жители таежных амурских сел. В братской могиле на площади Павших Борцов в Волгограде покоится прах славного сына нанайского народа Максима Пассара. 289 гитлеровцев сразил отважный снайпер. Его именем названы улица в селе Троицком, средняя школа, где он учился и откуда ушел добровольцем на фронт. Смелый разведчик и меткий стрелок, славился на фронте нанайцем Александром Пассаром. За боевые подвиги ему присвоено звание Героя Советского Союза, вручены Золотая Звезда и орден Ленина. Ученый Сулунгу Оненко воевал на Украине и Северном Кавказе, прошел с боями Польшу, Чехословакию, штурмовал Берлин. Боевые ордена и медали — свидетельства его ратных подвигов. Трудовые подвиги в тылу совершали матери, жены, сестры фронтовиков.

Фронтовые письма амурчан, газетные материалы военных лет, воспоминания участников Великой Отечественной войны П. Батова, Ф. Куликова, С. Оненко явились основой документального повествования следующего раздела книги.

В боях за Родину

Историк писал когда-то о нанайцах: «...Гольды... понятливый, восприимчивый и даровитый народ, но по натуре своей слишком мягкий, если не сказать робкий. Все они отменные стрелки, но, как мне удалось выяснить, никогда не участвовали в войнах. Так уж сложились их характеры и обычаи, законы и взгляды, что они не могут, не должны, не имеют права воевать...»

Может быть, нанайцы действительно остались бы людьми, не имеющими права воевать, если бы не свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Малые народности Амура уже воевали в гражданскую войну и показали себя отменными бойцами. Осенью 1939 года нанайцев впервые призвали в Красную Армию наравне со всеми народами Советского Союза.

9 сентября 1939 года «Комсомольская правда» напечатала информацию о призывниках-нанайцах.

«Комсомольск, 8 сентября. (Наш. корр.) В нанайских стойбищах Комсомольского района радостно готовятся к призыву в Красную Армию. С нетерпением ждут призыва молодые нанайцы.

Комсомолец Сайгор Герасим ошибочно был пропущен в списках призывников. Узнав об этом, он пришел из стойбища Эконь в военкомат, чтобы исправить ошибку. В районном военкомате сообщили мне, что 96,4% призывников-нанайцев — значкисты. Большинство — «ворошиловские стрелки», имеют по 3—4 значка».

В Великую Отечественную войну нанайские рыбаки

и охотники записывались добровольцами на фронт. Многие из них не вернулись домой. Но и сегодня в найских семьях читают их фронтовые письма и рассказывают о них так, будто они просто ушли за синие хребты на легких, как сон, оморочках...

„Пусть не ходят на мою землю...“

Старый Игнат Самар проводил на фронт трех сыновей. Все трое, как подобает нанайцам, были хорошими охотниками. Но самым грамотным и развитым считался Арсений. До ухода в армию он работал лесником. В день отъезда Арсения из Кондона его сыну Славке исполнилось всего десять дней.

— Пусть растет сынок, — сказал Арсений отцу. — Когда сидеть начнет, я уже домой вернусь.

— И то ладно, — согласился отец.

Долго от Арсения не было вестей. А когда пришло первое письмо, старый Игнат целый час вертел бумажный треугольник в руках. Сам он читать не умел. Позвал соседнего мальчишку. Потом пришло второе письмо, третье... Игнат завязывал их в узелок из сухой рыбьей кожи. Когда в дом заходили гости — свои кондонские или приезжие — Игнат, поговорив с ними об охоте и рыбалке, доставал заветный узелок:

— Тут все написано, как война идет...

— Начинай с первого, — просил он. И гость читал.

Письмо первое.

«Здравствуйте, родители, братья, дети. Я жив и здоров. И от вас далеко. Около самой Москвы. Война идет здорово, как гром гремит. День и ночь гремит, слышно. И мы скоро в бой пойдем. Разобьем немцев. С фронтовым приветом

Арсений».

Письмо второе.

«Отец и дети мои, я пошел в бой. Столицу нашу Москву мы отстояли. Немцы отступают. Сражение идет другой раз днем и ночью. Морозы под Москвой сильные, а костры разводить нельзя, мерзнут южные люди, а я держусь. Мне же знакомы и привычны снега и морозы.

Идет драка, сшибаемся штыками. Против нас Гитлер слабоват, прямой удар не выдерживает.

Сегодня вечером командир выстроил нас в строй и

сказал перед всеми, что я награжден медалью «За отвагу». Получается, что я храбрый человек... Фашист живет далеко от Кондона, замполит сказал, что он хочет добраться до нашего стойбища. Я сказал замполиту: не пушу фашиста до моего дома. Я теперь снайпер. Командир сказал: иди, ищи фрица, стреляй. Я иду на охоту за фрицем...

Ваш Арсений».

Письмо третье.

«Дети мои, отец, мать и все сородичи нани. Командир спросил: откуда ты, Арсений? Я ответил: Самар я, нани с Амура. Он рапорт написал, к ордену меня представил. Был большой праздник — всех выстроили, я стою с командиром рядом, он читает бумагу, на грудь цепляет орден — звезду красную. Теперь я герой, убил много фашистов, еще много убью, пусть не ходят на мою землю.

Арсений, герой».

Письмо четвертое.

«Дорогие мои родители и дети. Наша часть стоит теперь под Истрой. Бои не прекращаются. Фашист уже дрогнул, бежит. У нас сегодня короткий отдых перед новым наступлением. Все пишут письма домой. Я пишу на этикетке консервной банки «Дальневосточная кета» — нам ее дали сухим пайком перед боем. И вспомнилось мне родное село. Сколько рыбы у нас было! И думаю, думаю, как нам быстрее покончить с фашистом. Докончить письмо не успею: боевая тревога. Пишите, чтобы тепло было в душе...

Арсений».

В тот день девятая гвардейская дивизия штурмовала подмосковный город Истра. Был назначен час атаки. Части подтянуты к реке. Но немцы взорвали Истринское водохранилище. Вода хлынула по льду, ломая его. Но это не остановило наших солдат. В назначенный час они бросились в ледяную воду и вплавь форсировали реку.

В воде возле Арсения Самара оказалось бревно. Он ухватился за него, оседлал и, как в оморочке, поплыл к противоположному берегу и одним из первых выбрался на берег. По примеру Арсения многие солдаты с меньшим риском утонуть форсировали реку.

С криками «ура» ринулись бойцы в атаку на фашистов. Арсений вырвался вперед. Бой был коротким, но ожесточенным. Шестерых фашистов истребил тогда Арсений Самар. Получил три ранения, но продолжал в рукопашном бою преследовать врага.

В тот же день о подвиге Арсения узнала вся девятая гвардейская дивизия...

Разящие пули Пассара

В годы Великой Отечественной войны эхо снайперских выстрелов Максима Пассара раскатывалось по всей стране. Даже фашистам была известна фронтовая частушка:

Выстрел без промаха —
пассаровский выстрел.
Бей по-пассаровски —
в сердце фашиста.

О себе Максим Пассар так рассказывал во фронтовой газете «Сталинский сокол»:

«... С раннего детства я стал с отцом на охоту ходить. Выслеживал хищного зверя, убивал его. Отец учил меня стрелять метко, без промаха — так, чтобы белке в глаз попасть.

Учеба отца на войне пригодилась. Здесь мне пришлось охотиться на фрицев. Фашист — тоже хищный зверь. Но он еще хитрее и коварнее. На хитрость врага я отвечаю сноровкой, находчивостью, смекалкой лесного охотника.

Когда я вернулся со снайперских курсов в свою часть, ребята рассказали мне, что на участке подразделения, где-то на дереве сидит немецкая «кукушка» и не дает покоя.

Рано утром я забрался на дерево. Впереди поляна, а за ней — опушка густого леса. Там враг. Вскоре прозвучал выстрел: немецкий снайпер послал в нашу сторону пулю. Но где он сидит? Веду наблюдение. Неужели фрица не замечу? Бывало, крохотную белку на верхушке сосны замечал. Вдруг вижу — ветки зашевелились. Смотрю в бинокль — черное пятно на дереве.

— Ах, вот ты где, дьявол!

Я выстрелил. Ломая сучья, фриц полетел вниз. Так открыл я свой боевой счет...»

«Кукушка», которую снял Пассар, была у фашистов особой, неуязвимой: ас снайперской стрельбы, о нем

трубила геббельсовская пропаганда, на него равнялись другие снайперы.

За Максимом началась охота немецких снайперов. Но не так-то просто было выследить и взять на мушку опытного лесного охотника, по наследству перенявшего зоркость и меткость отца, деда и прадеда.

Максим оставался живым и невредимым, а фашистов на том участке фронта, где он стрелял, становилось меньше и меньше.

Полковой комиссар Л. Соколов в телеграмме секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) Г. А. Баркову писал:

«...Преданный сын советского народа нанаец Максим Пассар, защищая честь и свободу нашей Родины у ворот Сталинграда, проявил мужество, отвагу и высокое мастерство. Он стал героем в наших частях, знатным воином, на счету которого имеется уже 127 истребленных гитлеровцев...

Героические подвиги Пассара вполне заслуживают того, чтобы о них знали не только бойцы Красной Армии, но и его земляки, трудящиеся вашего края. Пусть боевые дела Максима Александровича Пассара и его беззаветная любовь к Родине, его ненависть к врагу, его бесстрашие и отвага в боях вдохновляют их в борьбе по обеспечению Красной Армии всем необходимым для победы над фашистскими ордами».

Телеграмма полкового комиссара была напечатана в газете «Тихоокеанская звезда» 15 ноября 1942 года — вместе с портретом Максима, сделанным военным корреспондентом Е. Подшиваловым: на скалистом берегу Волги сидит снайпер с Амура сержант Максим Пассар. Из-под стальной каски зоркий взгляд. На коленях снайперская винтовка. Через плечо — лента с патронами.

На Сталинградском фронте с Пассаром близко познакомился поэт Евгений Долматовский. Вместе со снайпером он ходил в засады, наблюдал за горячей работой Максима. Вдохновленный подвигом воина, поэт написал о нем стихи, которыми зачитывались фронтовики:

...Я сказал Максиму: знаешь,
По легендам и преданьям
Бог войны и бог охоты
Был один у наших предков.
— Нет, война, — Максим ответил, —
На охоту не похожа:

Зверя бил я равнодушно,
То был честный поединок,
А теперь с врагом бесчестным,
С волчьей стаей я сражаюсь,
Новое узнал значение
Слова «зверь»...

Бывший командующий 65-й армией генерал армии П. И. Батов в книге «В походах и боях» рассказывает, как на слете разведчиков и снайперов два лучших снайпера армии — Максим Пассар и Александр Фролов — были сфотографированы под боевым знаменем:

«Они стояли перед алым полотнищем, два неразлучных друга: рослый русский юноша... и смуглый, похожий на мальчугана, весь как пружина, нанаец. На груди поблескивали ордена Красного Знамени. Зал аплодировал. Эти два героя истребили более полутысячи фашистов. Имя Пассара было известно всему Донскому фронту. Немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в адрес Максима Пассара».

В январе 1943 года Максим Пассар убил 230-го гитлеровца. Неоднократно раненный в боях, после выздоровления он снова возвращался в свою часть и с еще большим ожесточением сражался с врагом. Он участвовал в наступательных боях в излучине Дона и в героических битвах в районе Сталинграда.

«В январе 1943 года, в период генеральных боев по уничтожению окруженной у Сталинграда группировки немецких войск, знатный воин нашего фронта, старший сержант Максим Александрович Пассар погиб геройской смертью.

За доблесть и мужество Пассар был награжден правительством орденом Красного Знамени. Партийная организация части приняла его в свои ряды...» Это строки из сообщения политуправления Сталинградского фронта.

«В последнюю свою атаку, — вспоминает П. И. Батов, — Максим шел, как всегда, неистово. Треух развевался на бегу. Полушубок нараспашку. Гимнастерка и рубаха расстегнуты, обнаженная грудь подставлена навстречу обжигающему ветру. Таким я хотел бы видеть памятник этому замечательному солдату...»

В солдатских окопах о Максиме Пассаре слагались легенды. Бойцы страстно желали разить врага так, как уничтожал его отважный снайпер. И не потому ли фашисты были уверены, что на каждом участке фронта у русских есть свой Пассар.

Живым — пример

Трагическое сообщение о гибели Максима Пассара облетело все нанайские села. Оно вызвало в людях боль и гнев, чувство мести к немецким захватчикам. Максим ушел на фронт мстить за погибшего в боях с фашистами своего старшего брата Павла. Павел тоже был снайпером. Теперь, после гибели Максима, на фронт ушел Иннокентий Пассар. Иннокентий попросил направить его в ту часть, где служил Максим, и вручить ему снайперскую винтовку Максима. И опять в Хабаровск пришла телеграмма от политуправления фронта:

«...Иннокентий Александрович Пассар дал клятву быть таким, как его брат Максим. Пусть доблестный патриотический пример братьев-нанайцев Пассар послужит образцом служения Родине для трудящихся края».

Командиры и курсанты, фронтовые друзья Пассаров, писали в село Найхин:

«...Прибыв на фронт, Иннокентий Пассар чуть ли не в первый же день принял участие в атаке. Он шел на врага с яростью, переполнявшей его сердце. Он был смел в бою, как Максим Пассар. Как и тот, он метко разил фашистских шакалов и достойно открыл свой счет мести за жизнь Максима Пассара...»

Школьным другом Максима Пассара был Захар Киле из нанайского села Толгон. Они одновременно вступили в комсомол, вместе настояли, чтобы их отправили на фронт.

Захар Киле, как и Максим Пассар, был искусным стрелком-снайпером и без промаха разил врагов. Он обучил снайперскому искусству тридцать бойцов. Его ученики Толмачев Гавриил, Шендриков Прокопий, Кульмагабетов Саубег и другие стали грозой немецких оккупантов.

Узнав о гибели Максима Пассара, Захар Киле писал с фронта домой: «Братья мои! Слезы застилают глаза, не хочется верить. Нанайцы, мы смелые, у нас много честных друзей, у нас в руках отличные ружья. У нас полные сердца гнева. Отомстим же гадюкам-фашистам за нашего брата Максима, за детей, стариков, женщин, растерзанных матерым зверем. Отомстим! Я убил 111 фашистов. Клянусь вам, пока руки мои держат винтовку, пока глаза мои видят солнце, я буду мстить!..»

Читая это письмо, односельчане Захара шили вечерами меховые рукавицы, собирали теплые вещи и отправляли посылки на фронт.

Всего на счету Захара Киле 176 убитых фашистов. За боевые подвиги в борьбе с немецкими оккупантами Захар Киле был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной Войны.

...Настоящие солдаты, настоящие герои войны. Можно рассказать о боевых подвигах политрука Георгия Самара, кавалера двух орденов Красного Знамени, погибшего при защите родной Москвы. Петр Адако — связист, обеспечивавший бесперебойную связь во время боев на Курской дуге, награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Иван Киле — участник героической обороны Ленинграда, принявший на себя командование ротой после гибели командира, награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Иван Дигор — командир взвода разведчиков, награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу», пал в боях за Ленинград. Аким Самар — первый нанайский поэт, погиб в боях за Сталинград.

20 миллионов жизней советских людей унесла Великая Отечественная война. 1048 жителей Нанайского района не вернулись с поля брани. Навсегда останутся их имена в памяти благодарных поколений. Никогда не зарастут дороги к братским могилам воинов и памятникам героям войны.

